

Известия Южного федерального университета.
Филологические науки. 2021. Том 25, № 1
ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 801

ББК 81.1

DOI 10.18522/1995-0640-2021-1-112-122

ЭТОС КАК ИСТОЧНИК КОНФРОНТАЦИОННОСТИ КОММУНИКАТИВНОГО ДАВЛЕНИЯ

В.А. Трофимова

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация. Конфликтогены, порождаемые этосом, трансформируют кооперационный вид речевого воздействия (аргументация, убеждение) в конфронтационный – коммуникативное давление. Формирование конфликтогенов этоса обусловлено нарушением постулатов кооперации и максим вежливости, которые могут функционировать как самостоятельно, так и в различных сочетаниях. Характер конфликтогенов отражает особенности языковой личности адресанта и может служить основой для её идентификации.

Ключевые слова: коммуникативное давление, этос, конфликтоген, постулаты кооперации, максимы вежливости.

Введение

В современном обществе проявляется растущая тенденция к агрессивной манере поведения во всех сферах человеческой жизнедеятельности, в том числе и коммуникативной [Melikyan V., Melikyan A., Kasatkina E., 2019]. Роль конфронтационного типа общения становится все более заметной: «Информационная “агрессия” не могла не вызвать потрясений конвенциональных основ общественного взаимопонимания. Смена полюсов положительного и отрицательного, шокотерапия натуралистически представленными фактами породили основу сокрушительного для российского самосознания конвенционального кризиса» [Мансурова, 1999, с. 102]. Агрессивность коммуникативной среды приводит к **актуальности** изучения различных типов речевой интеракции конфронтационного типа, что предполагает, в том числе изучение конфронтационных видов речевого воздействия.

Целью данного исследования является изучение источников конфронтационности коммуникативного давления как одного из видов речевого воздействия, порождаемых этосом.

Конфронтационные виды речевого воздействия представляют собой актуальную проблематику современных научных исследований юрислингвистики (К.И. Бринев, Г.В. Кусов, В.Ю. Меликян и др.), лингвоэкологии (Я.А. Волкова, Н.Д. Голев, А.П. Сковородников, В.И. Шаховский и др.), лингвистики эмоций (В.Ю. Апресян, В.И. Жельвис

и др.), теории коммуникации (О.С. Иссерс, О.А. Леонтович, И.А. Стернин и др.) и других разделов языкознания.

В современной теории коммуникации выделяют следующие конфронтационные виды речевого воздействия: манипуляция [Быкова, 1999; Седов, 2003], речевая агрессия [Седов, 2003; Сологуб, 2005], языковое насилие [Сковородников, 1997; Сологуб, 2005]. Среди конфронтационных видов речевого воздействия некоторые исследователи также выделяют коммуникативное давление [Меликян, Трофимова, 2019; Стернин, 2012; Шилихина, 2000]. Однако лингвистический статус данного феномена до сих пор является предметом научных споров, что повышает актуальность его изучения.

К.М. Шилихина, описывая коммуникативное давление, не дает четкого определения его лингвистической природы. С одной стороны, исследователь трактует данный феномен как «речевые действия коммуниканта, воздействующие на поведение (действия), чувства или мысли адресата таким образом, чтобы они совпали с ожиданиями говорящего» [Шилихина, 2000, с. 64]. С другой стороны, она лишь косвенно указывает на его принадлежность к системе видов речевого воздействия, считая коммуникативное давление «обратной стороной убеждения», в случае если «говорящий воздействует на мысли и чувства адресата» [Шилихина, 2000, с. 63]. По мнению К.М. Шилихиной, эффективность давления обусловлена его силовой характеристикой, выраженной чрезмерным проявлением эмоций агрессивной направленности. Исследователь выделяет эксплицитный и имплицитный типы давления в зависимости от совпадения или несовпадения прагматического значения высказывания и коммуникативных интенций адресанта. Однако следует заметить, что коммуникативное давление всегда эксплицитно, а имплицитные формы речевого воздействия присущи сугубо манипулятивным видам коммуникации.

И.А. Стернин указывает на существование эмоционального и логического давления, однако четко их параметры также не определяет [Стернин, 2012]. Тем самым исследователь подтверждает возможность реализации коммуникативного давления посредством одного или двух каналов передачи информации – логического и эмоционального.

В настоящем исследовании коммуникативное давление рассматривается как самостоятельный вид речевого воздействия конфронтационного типа. При этом коммуникативное давление, по нашему мнению, следует рассматривать в одном ряду с такими видами речевого воздействия, как аргументация и убеждение. Такой подход опирается на тезис о необходимости разграничивать языковую и риторическую нормы, нериторическое и риторическое речевое воздействие, а также виды кооперационного и конфронтационного (деструктивного) риторического воздействия.

Материалом исследования послужили стенограммы речей адвокатов в зале судебного заседания, интервью, а также отрывки художественных произведений и стенограммы диалогических высказываний, взятых

из кинофильмов. Исследование опирается на **методы** контекстуального анализа, позволяющего изучить дискурсивные способы реализации коммуникативного давления; прагматического анализа, применяемого при исследовании коммуникативных намерений и речевых особенностей адресанта; лингвистического описания, включающего приемы наблюдения, сопоставления и интерпретации языкового материала.

Исследование и его результаты

Каждый из рассматриваемых видов речевого воздействия обладает своей собственной моделью реализации, которая включает в себя три компонента – логос, этос и пафос.

Логос представляет собой владение интеллектуальными ресурсами аргументации. Данный компонент реализуется средствами логической связи, содержащими в себе смысловую наполненность речи и обеспечивающими смысловую последовательность между различными частями высказывания.

Этос отражает аспект лингвоэкологической безопасности коммуникативного поведения, связанный с уместностью высказывания. Этическую норму определяют «принятые в обществе правила словесности и нормы построения аргументации» [Волков, 2009, с. 174]. Главная задача этоса – предотвратить речевое вторжение в коммуникативное, психологическое и аксиологическое пространство аудитории, что расценивается как превышение допустимой нормы воздействия. Поскольку данная категория представляет собой нравственно-этический параметр речи в рамках определенной коммуникативной ситуации, она реализуется дискурсивными средствами, которые находят отражение «в особом способе оформления мыслей, композиционной организации текста, апеллировании к экстралингвистическим факторам» [Яковлева, 2016, с. 113]. Анализ дискурсивных средств требует осмысления более широкого контекста.

Пафос – эмоциональная техника воздействия, реализующаяся собственно языковыми средствами. Под собственно языковыми средствами понимаются лексико-семантические, грамматические и фонетические маркеры с эксплицитным эмоционально-оценочным значением. Пафос служит интенсификации прагматического эффекта путем эмоциональной интеграции в речевое пространство.

Разграничение речевых моделей различных видов воздействия основывается на способе речевой реализации логоса, этоса и пафоса.

Аргументация является кооперационным нериторическим видом воздействия, речевая модель которого состоит из двух компонентов – логоса и этоса. Убеждение – кооперационное риторическое воздействие с трехкомпонентной речевой моделью, включающей логос, этос и пафос. Пафос превышает языковую норму с помощью кооперативных риторических средств, что добавляет речи экспрессивность и эстетичность.

Давление – конфронтационное риторическое воздействие, речевая модель которого также включает в себя три компонента – логос, этос

и пафос. Однако специфика коммуникативного давления заключается в том, что оно предполагает превышение допустимой меры воздействия на адресата, установленной принятыми в обществе нормами морали. Проявляется это в нарушении в одном или нескольких компонентах риторической модели, что переключает коммуникацию в деструктивное русло.

Источники деструктивности речевой коммуникации в лингвистической науке называются конфликтогенами, т. е. вербальными знаками, способными «стать побудительным механизмом порождения речевого конфликта или причиной коммуникативной неудачи» [Третьякова, 2003, с. 98].

Конфликтогеном в логосе выступает аргументативная ошибка, которая заключается в нарушении законов логики [Меликян, 2013]. Конфликтогеном в этосе служат «такие формы вербальной агрессии, которые не столько заключены в самих словах, сколько связаны с принятыми нормами успешного общения, знаниями участников общения о мире, проблемами адекватного истолкования слов, явлением интертекстуальности» [Петрова, 2011]. Конфликтогеном в пафосе являются собственно языковые средства деструктивного характера.

Нарушения в речевой модели коммуникативного давления могут реализовываться в следующих компонентах риторической модели и их сочетании: а) нарушением логоса и этоса; б) нарушением только этоса; в) нарушением этоса и пафоса; г) нарушением логоса, этоса и пафоса. Как можно заметить, нарушение в логосе или пафосе влечет за собой нарушение этоса как этико-коммуникативного параметра, отвечающего за все аспекты гармоничного общения. Это позволяет дифференцировать конфликтогены речевой модели давления на первичные и вторичные. При этом конфликтогены этоса могут выступать в качестве первичного конфликтогена.

Настоящая статья посвящена описанию первичных конфликтогенов этоса как компонента речевой модели коммуникативного давления.

Порождение конфликтогенов в этосе обусловлено нарушением принципов кооперативной коммуникации, представленных постулатами общения П. Грайса [Grice, 1975] и максимами вежливости Дж. Лича [Leech, 1983]. Эти принципы призваны создавать благоприятные условия коммуникации, при которых собеседники испытывают чувство внутренней гармонии. Нарушение принципов общения приводит к возникновению негативно воздействующего на адресата психоэмоционального дискомфорта.

Исследование эмпирического материала показало, что чаще всего в коммуникации реализуются конфликтогены этоса, обусловленные нарушением максим одобрения и симпатии одновременно. Например:

«... люди, которых я представляю, отказались брать деньги. Вам, наоборот, это не противно и несвойственно, что есть люди, которых деньги не интересуют, но это так.» (Радио КП, 21.06.2020)

Конфликтоген, обусловленный нарушением максимы одобрения, в данном фрагменте текста проявляется в обвинении собеседника в безнравственности, что, безусловно, противоречит нормам морали и этики и является деструктивным способом воздействия на его рациональную сферу. Выбранная говорящим конфронтационная линия поведения устанавливает взаимоотношения неприятия между собеседниками. Иными словами, максимизация антипатии в коммуникативной ситуации порождает конфликтоген, обусловленный нарушением максимы симпатии.

Довольно распространенным случаем является образование конфликтогена, вызванного нарушением одновременно трех максим: одобрения, согласия и симпатии, что объясняется их тесной взаимосвязью. Негативная оценка собеседника, порождающая нарушение максимы одобрения, приводит к речевой конфронтации и нарушению максимы согласия. Нарушение данных максим сопровождается максимизацией антипатии между коммуникантами, что обуславливает нарушение максимы симпатии.

Однако нарушение максим вежливости не является единственным источником конфронтационности коммуникации. Нарушение максим вежливости при взаимодействии с нарушением постулатов кооперации порождает разнообразные способы реализации конфликтогенов в этосе. Так, несоблюдение постулатов качества и манеры может стать основой нарушения максим одобрения и симпатии. В соответствии с постулатом качества содержание высказывания должно соответствовать критерию истинности. Противоречие между подразумеваемым и вербально выраженным смыслом может способствовать наведению когнитивно-эмоционального диссонанса и является причиной порождения конфликтогена. Нарушение постулата манеры вносит двусмысленность в высказывание, а также может послужить фактором эмоционального напряжения в коммуникации. Например:

«Такое впечатление, что обвинительный эпизод в самый последний момент вписан в приговор, который должен был быть целиком оправдательным. Должен был, но не стал. (1) Заговорило социалистическое правосознание и заглушило голос совести. (2)... “честь мундира” органов госбезопасности и прокуратуры – ценность более высокая, чем доброе имя еще одного невинного капитана Григория Пасько. (3) (Резник, 25.02.2002)

В первом высказывании наличие конфликтогенов этоса обусловлено нарушением максим согласия, одобрения и симпатии. При нарушении максимы согласия конфликтоген проявляется в открытой демонстрации адресантом своего несогласия с принятым решением и манифестации конфликтной позиции. Данное нарушение носит этико-нравственный характер, что позволяет квалифицировать этос как источник деструктивности в коммуникации. Своим заявлением о несогласии с приговором адресант косвенно обвиняет адресата в предвзятости и некомпетентности. Данное обвинение нарушает максимум одобрения. Ре-

ализация конфликта, опосредованного несогласием и обвинением, сопровождается нарушением максимы симпатии и проявлением речевой агрессии.

Во втором высказывании говорящий продолжает конфронтационную линию поведения, обусловленную нарушением максим одобрения, согласия и симпатии. Конфликтогенность заключается в обвинении адресата в поступках, противоречащих совести и морали. Резкую критику удается выразить через негативную аллюзию на социалистическое сознание, которое основывается на принципах господствующей идеологии, а не нормах права.

В третьем высказывании одновременно нарушаются постулаты качества и манеры, а также максимы одобрения и симпатии. Нарушение постулата манеры приводит к неверному толкованию словосочетания «*честь мундира*», которое меняет свою положительную коннотацию на отрицательную. Такая подмена кодифицированного значения прагматическим под влиянием контекста выступает одним из источников конфликтности. Формирование еще одного конфликтогена обусловлено нарушением максимы качества. Идея превосходства *честь мундира*, под которым понимается *бюрократизм*, над *добрым именем невинного человека* выражает прямо противоположное значение тому, что действительно подразумевает говорящий [Меликян В.Ю., Меликян А.В., Вакуленко Д.А., 2016; Melikian V., Melikian A., 2018]. Таким образом, конфликтоген порождается иронией, которая нарушает максимы одобрения и симпатии. Речь адресанта представляет собой агрессивную критику по отношению к адресату, которая создает атмосферу психоэмоционального дискомфорта и формирует конфликтоген этоса.

Следует заметить, что нарушения, связанные с качеством и манерой изложения мыслей и проявляющиеся посредством иронии и манипулирования прагматическим значением, носят интеллектуальный характер и присущи наиболее развитой языковой личности. Таким образом, специфический набор разнообразных конфликтогенов коммуникативного давления может служить основанием для идентификации языковой личности.

Нарушение постулата количества также может выступать источником конфликтогенности высказывания, что, в свою очередь, влечет за собой нарушение максимы великодушия. Например:

«[Миссис Чивли:] *Прежде чем я уйду отсюда, вы должны мне пообещать, что снимете ваш доклад и выступите завтра в парламенте в защиту проекта.* [Сэр Р.Чилтерн:] *Вы требуете невозможного.* [Миссис Чивли:] *А вы сделайте, чтобы оно стало возможным. Вам же ничего другого не остается....* [Сэр Р. Чилтерн:] *Дайте мне подумать.* [Миссис Чивли:] *Нельзя. Решайте сейчас!*» (Уайльд О. Идеальный муж).

В данном высказывании нарушение постулата количества проявляется в превышении допустимого нормами этики количества коммуникативных ходов, направленных на достижение одной и той же цели – навязать оппоненту свою позицию, обременить его обещанием или клятвой.

Агрессивный способ оформления речи интенсифицирует агрессивный характер ее содержания. Адресант навязывает собеседнику определенные действия, предъявляет ему категоричные требования и тем самым лишает его свободы выбора. Подобное речевое поведение ставит под угрозу коммуникативную и социальную независимость оппонента и формирует конфликтоген, обусловленный нарушением максимы великодушия. Сочетание конфликтогенов, вызванных нарушением постулата количества и максимы великодушия, направлено на речевое доминирование одного из коммуникантов и реализует одну из наиболее грубых форм коммуникативного давления, поскольку опирается не на когнитивные механизмы сознания как на посредника между речевым воздействием и эмоциональным восприятием, а непосредственно на легко доступные эмоциональные импульсы, что характеризует языковую личность говорящего как более примитивную.

Конфликтогены, порожденные нарушением постулата количества, также взаимодействуют с конфликтогенами, обусловленными нарушением максимы такта. Например:

«[Лорд Кавершем:] *Давно пора вам жениться. Вам уже тридцать четыре года, сэр.* [Лорд Горинг:] *Но я всегда говорю, что мне тридцать два.* [Лорд Кавершем:] *Вам тридцать четыре, сэр*». (Уайльд О. Идеальный муж).

Конфликтогенность данного высказывания заключается в наличии навязчивого совета (*Давно пора вам жениться*), а также неуместного упоминания о возрасте адресата, в результате чего говорящий нарушает границы коммуникативной дистанции, вторгается в личное пространство собеседника и вызывает эмоциональный диссонанс.

Намного реже конфликтоген обусловлен нарушением постулата релевантности. Например:

«[Женщина:] *Вам это [цепь неприятностей] кажется смешным?* [Коллектор:] *Нет. Мне это кажется однообразным*». (Из к/ф «Коллектор», 2016).

В данном высказывании конфликтоген порождается смысловым несоответствием полученного сообщения информационному запросу. Коммуниканты оценивают возникшую ситуацию с точки зрения разных критериев, поскольку прилагательные *смешной* и *однообразный* обозначают качества разного порядка и соотносятся с различными когнитивными сферами. Таким образом, ответ говорящего не соответствует ожиданиям коммуникативного партнера.

В данном фрагменте текста также нарушается максима симпатии, что становится результатом проявления безучастия к собеседнику, отказа ему в сочувствии и понимании. Такое демонстративное равнодушие приводит собеседника в состояние растерянности и обесценивает любые его аргументы.

Наименее распространенным является конфликтоген принятия похвалы в свой адрес и завышения собственной самооценки, обусловленный нарушением максимы скромности. Например:

«[Добровинский:] Я ответил “нет”, потому что хорошо знаю и понимаю, как выстроить линию защиты, по которой Михаил Ефремов может выйти из этой ситуации с наименьшими потерями.... Я думаю, что я мог бы ему сделать так, чтобы даже условного не было бы. [Нарышкин:]...Это волшебство. Если вы волшебник, я готов это принять. [Добровинский:] Вы же знаете, куда вы позвонили». (Радио Эхо Москвы, 11.06.2020).

Последнее высказывание носит эгоцентричный характер, поскольку адресант не только соглашается с высокой оценкой своей профессиональной деятельности, но и намеренно подчеркивает ее. Говорящий преследует цель навязать свою уверенность в собственном авторитете собеседнику и шире – всей аудитории, продемонстрировать свое профессиональное превосходство. Такая явная убежденность в своем профессионализме служит причиной психоэмоционального дискомфорта и порождает конфликтоген, обусловленный нарушением максимы скромности. Кроме того, данное высказывание также противоречит нормам, установленным постулатом манеры, который требует выражаться ясно и избегать двусмысленность. Говорящий, наоборот, не дает четкого ответа на заданный вопрос, а вынуждает адресата интерпретировать свое высказывание.

Заключение

Этос как компонент модели речевого воздействия может реализовывать конфликтогены, которые переводят речевое воздействие из кооперационного (аргументация или убеждение) в конфронтационное – коммуникативное давление. Конфликтогены этоса могут выступать в качестве как первичного, так и вторичного источника деструктивной коммуникации. Появление конфликтогенов в этосе обусловлено нарушением постулатов кооперации и максим вежливости, которые могут функционировать как самостоятельно, так и в различных сочетаниях (чаще). Наиболее распространенными являются нарушения максим одобрения, согласия и симпатии, а также постулата качества и количества. Гораздо реже нарушаются постулат релевантности и максима скромности. Использование конфликтогенов этоса в коммуникации отражает специфику языковой личности и может служить критерием ее идентификации.

Литература

Быкова О.Н. (1999). Языковое манипулирование // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. Вып. 1. Красноярск; Ачинск: Краснояр. гос. ун-т. С. 99 – 103.

Волков А.А. (2009). Теория риторической аргументации: монография. М.: Изд-во Московского ун-та. 398 с.

Голованов Р. (2020). Вы дурак и идиот! // Радио КП. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tambov.kp.ru/daily/27145.5/4239468/> (дата обращения 25.07.2020).

Интервью (2020) // Радио Эхо Москвы. [Электронный ресурс]. URL: <https://echo.msk.ru/programs/beseda/2658286-echo/> (25.07.2020).

Коллектор (К/ф) (2016) // Youtube. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ecqrhFCse2s> (дата обращения 10.11.2020).

Мансурова В.Д. (1999). Инстанция истины: О соотношении норм языка и права в общественной коммуникации // Юрислингвистика. № 1. С. 98 – 109.

Меликян В.Ю. (2013). «Православие или смерть!»: речевая агрессия как способ решения задач духовного просвещения общества // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия: материалы III-й Всерос. науч.-практ. конф. Вып. 3. Ростов н/Д: Дониздат. С. 137 – 145.

Меликян В.Ю., Меликян А.В., Вакуленко Д.А. (2016). Enantiosemu phenomenon: system and speech parameterization // Вопросы когнитивной лингвистики. № 1. С. 128 – 134. DOI: 10.20916/1812-3228-2016-1-128-134

Меликян В.Ю., Трофимова В.А. (2019). О лингвистическом статусе феномена «коммуникативное давление» // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия: материалы IX-й Всерос. научно-практ. конф. Вып. 9. Ростов н/Д: Дониздат. С. 27 – 35.

Петрова Н.Е., Рацибурская Л.В. (2011). Язык современных СМИ: средства речевой агрессии: учеб. пособие. М.: Флинта. 160 с.

Резник Г.М. (2002). Честь имею. А совесть? // Новая газета. [Электронный ресурс]. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2002/07/15/14410-chest-imeyu-a-sovest> (дата обращения 20.03.2020).

Седов К.Ф. (2003). Агрессия как вид речевого воздействия // Прямая и непрямая коммуникация. [Электронный ресурс]. URL: <https://gigabaza.ru/doc/100170-pall.html> (дата обращения 05.05.2018).

Сковородников А.П. (1997). Языковое насилие в современной российской прессе // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. Вып. 2. Красноярск; Ачинск: Краснояр. гос. ун-т. С. 10 – 15.

Сологуб О.П. (2005). Коммуникативное давление на адресата при обращении в официальные инстанции // Словарь, грамматика, текст в свете антропоцентрической лингвистики. Вып. 3. Иркутск: Иркут. ун-т. С.152 – 164.

Стернин И.А. (2012). Основы речевого воздействия: учеб. издание. Воронеж: Истоки. 178 с.

Третьякова В.С. (2009). Речевая коммуникация: гармония и конфликт: монография. Екатеринбург: Изд-во Российского. гос. проф.-пед. ун-та. 231 с.

Трофимова В.А. (2020). Пафос как источник деструктивности коммуникативного давления // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия: материалы X Всерос. науч.-практ. конф. Вып. 10. Ростов н/Д: Дониздат. С. 82 – 91.

Уайльд О. (2012). Идеальный муж. М.: Эксмо. 288 с.

Шилихина К.М. (2000). Коммуникативное давление в русской коммуникативной культуре // Проблемы национальной идентичности в культуре и образовании России и Запада: материалы науч. конф. Т. 1. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та. С. 62 – 70.

Яковлева Ю.В. (2016). Речевая агрессия в полемических материалах советских литературно-художественных изданий 1917 – 1932 гг.: дис. ... канд. филол. наук. Москва. 166 с.

Grice P. (1975). Logic and Conversation // Syntax and Semantics. Vol. 3. p. 41 – 58.

Leech G. (1983). Principles of Pragmatics. London: Longman. 250 p.

Melikian V., Melikian A. (2018). The Phenomenon of Syntactic Semioimplication // Studia z Filologii Polskiej i Slowianskiej. Vol. 53, pp. 348 – 368. DOI: 10.11649/sfps.2018.021

Melikyan V., Melikyan A., Kasatkina E. (2019). The Phenomenon 'Власть' ('Power') as a Part of Russian Phraseosemantic Worldview // *Zeitschrift fur Slawistik*. Vol. 64, Issue 3, pp. 404 – 444. DOI: 10.1515/slaw-2019-0023

References

Bykova O.N. (1999). Language manipulation. *Theoretical and applied aspects of speech communication*, Issue 1, pp. 99-103. (In Russian).

Debt Collector (2016). *Youtube*. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=ecqrhFCse2s> (accessed 10.11.2020). (In Russian).

Golovanov R. (2020). You are an idiot! *Radio KP*. Available at: <https://www.tambov.kp.ru/daily/27145.5/4239468/> (accessed 25.07.2020). (In Russian).

Grice P. (1975). Logic and Conversation. *Syntax and Semantics*, vol. 3, pp. 41-58.

Interview (2020). *Radio Echo of Moscow*. Available at: <https://echo.msk.ru/programs/beseda/2658286-echo/> (accessed 25.07.2020). (In Russian).

Leech G. (1983). *Principles of Pragmatics*. London: Longman. 250 p.

Mansurova V.D. (1999). Authority of Truth: On the relationship between language and law standards in public communication. *Forensic Linguistics*, no. 1, pp. 98-109 (In Russian).

Melikian V., Melikian A. (2018). The Phenomenon of Syntactic Semioimplication. *Studia z Filologii Polskiej i Slowianskiej*, vol. 53, pp. 348-368. DOI: 10.11649/sfps.2018.021

Melikian V., Melikian A., Kasatkina E. (2019). The Phenomenon 'Greek Passage' ('Power') as a Part of Russian Phraseosemantic Worldview. *Zeitschrift fur Slawistik*, vol. 64, Issue 3, pp. 404-444. DOI: 10.1515/slaw-2019-0023

Melikyan V.Yu. (2013). "Orthodoxy or death!": Speech aggression as a way to solve the problems of spiritual education of society. *Language and Law: Relevant Problems on Interaction: Material of III vseros. scientific and practical Conf.* Rostov-on-Don: Donizdat. Issue 3. P. 137-145. (In Russian).

Melikyan V.Yu., Melikyan A.V., Vakulenko D.A. Enantiosemy phenomenon: system and speech parameterization. *Cognitive linguistics issues*, no. 1, pp. 128-134. DOI: 10.20916/1812-3228-2016-1-128-134

Melikyan V.Yu., Trofimova V.A. (2019). On the Linguistic status of the phenomenon "communicative pressure". *Language and Law: Relevant Problems on Interaction: Material of IX vseros. scientific and practical Conf.* Rostov-on-Don: Donizdat. Issue 9. P. 27 – 35. (In Russian).

Petrova N.E., Raciburskaya L.V. (2011). *The Language of Modern Media: Means of Speech Aggression*. Textbook. Moscow, Flinta, 160 p. (In Russian).

Reznik G.M. (2002). The Honour is Mine. What about Conscience? *Novaya Gazeta*. Available at: <https://novayagazeta.ru/articles/2002/07/15/14410-chestimeyu-a-sovest> (accessed 20.03.2020). (In Russian).

Sedov K.F. (2003). Aggression as a type of speech persuasion. *Direct and indirect communication*. Available at: <https://gigabaza.ru/doc/100170-pall.html> (accessed 05.05.2018). (In Russian).

Shilixina K.M. (2000). Communicative pressure in Russian communicative culture. *Problems of National Identity in Russian and Western Culture and Education*. Voronezh, VGU, vol. 1, pp. 62-70. (In Russian).

Skovorodnikov A. P. (1997). Language violence in the contemporary Russian press. *Theoretical and applied aspects of speech communication*, Issue 2, pp. 10-15. (In Russian).

Sologub O. P. (2005). Communicative pressure on the addressee when contacting official authorities. *Vocabulary, grammar, text in the frame of anthropocentric linguistics*, Issue 3, pp. 152-164. (In Russian).

Sternin I.A. (2012). *Basics of Speech Persuasion*. Textbook. Voronezh, Istoki, 178 p. (In Russian).

Tret`yakova V.S. (2009). *Speech Communication: Harmony and Conflict*. Monograph. Ekaterinburg, State Professional Pedagogical University Press. 231 p. (In Russian).

Trofimova V.A. (2020). Pathos as a source of destructive character of communication pressure. *Language and Law: Relevant Problems on Interaction: Material of X vseros. scientific and practical Conf.* Rostov-on-Don: Donizdat. Issue 10. P. 82-91. (In Russian).

Volkov A.A. (2009). *Theory of Rhetorical Reasoning*. Monograph. Moscow, Moscow University Press. 398 p. (In Russian).

Wilde O. (2012). *An Ideal Husband*. Moscow, Eksmo. 288 p. (In Russian).

Yakovleva Yu.V. (2016). *Speech aggression in the polemical materials of Soviet literature-fiction publications of 1917-1932*: thesis for Ph.D. of Philology. Moscow. 166 p. (In Russian).

Valeria A. Trofimova (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Ethos as a Source of Communicative Pressure Confrontation

Conflictogenic units generated by ethos transform the cooperative type of speech impact (argumentation, persuasion) into a confrontational one - communicative pressure. The formation of conflictogenic units of the ethos is due to the violation of the postulates of cooperation and maxims of politeness, which can function both independently and in various combinations. The nature of conflictogenic units reflects the peculiarities of the linguistic personality of the addressee and can serve as a basis for its identification.

Keywords: *communicative pressure, ethos, conflictogenic unit, postulates of cooperation, maxims of politeness.*

Сведения об авторе / Information about the author

Трофимова Валерия Александровна – преподаватель кафедры межкультурной коммуникации и методики преподавания иностранных языков Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации; Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия. Тел.: +7908-197-26-40; e-mail: leratrofimowa@mail.ru

Valeria A. Trofimova – assistant lecturer, Southern Federal University, Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communications, Department of Intercultural Communications and Foreign Language Teaching Methods. Rostov-on-Don, Russia. E-mail: leratrofimowa@mail.ru

*Статья поступила в редакцию 28.12.2020, принята к публикации 20.01.2021.
The article was submitted 28.12.2020, accepted for publication 20.01.2021.*